

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМИНИРУЮЩИХ ТИПОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В АЛТАЙСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЕ

Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ «Изменения климата, ледников и ландшафтов Алтая в прошлом, настоящем и будущем как основа модели адаптации населения внутриконтинентальных горных районов Евразии к климатообусловленным изменениям среды» (2022-2025 гг.)» (руководитель проекта от СПбГУ проф. Д. А. Ганюшкин, от АлтГУ – проф. С.Г. Максимова)

Аннотация. Целью данной статьи является поиск теоретико-методологических оснований взаимообусловленности процессов дифференциации географических структур в условиях трансформирующихся ландшафтов горной местности и соответствующих этим процессам направлениям природопользования, которые носят этнический, социально-экономический, этнопсихологический характер, а также разнообразные комбинации этих элементов, включая их взаимосвязи и особенности взаимного расположения и влияния. Сделан вывод о том, что функциональные структуры природопользования (равно как и их сочетания) поддаются как качественной, так и количественной оценке в русле социогуманитарного подхода в привязке к анализу ландшафтных систем и природно-ресурсных компонентов территории.

Ключевые слова: природопользование, климат, ландшафт, этнические группы, традиционное природопользование

HISTORICAL-CULTURAL AND ETHNOGRAPHIC FEATURES OF DOMINATING ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE ALTAI MOUNTAIN COUNTRY

Noyanzina O.E., Maximova S.G., Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project «Climate change, glaciers and landscapes of Altai in the past, present and future as the basis of the model of adaptation of the population of intra-continental mountain regions of Eurasia to climate-related changes of the environment» (2022-2025)» (project director from SPbSU prof. D. A. Ganyushkin, from ASU - prof. S.G. Maksimova)

Abstract. The aim of the paper is the formation of theoretical-methodological base for the interdependency between processes of differentiation of geographical structures in transforming mountain landscapes and corresponding types of environmental management, which have ethnic, social-economic, and ethnic-psychological character, and for the different combinations of these elements, including interdependencies and peculiarities of interpositions and interinfluence. We concluded about good

prospects of qualitative and quantitative evaluation of functional structures of environmental management (including their combination) in the frameworks of social humanitarian approach with tacking into consideration analysis of landscape systems and natural-resource components of a territory.

Keywords: *environmental management, climate, landscape, ethnic groups, traditional environmental management*

Ландшафтная структура имеет много пересечений с территориально-хозяйственной структурой, в которой, в свою очередь, выделяются разные виды и типы природопользования – сельскохозяйственное, рекреационное, промышленное, лесо- и водохозяйственное и т.д. Изменения в структуре природопользования можно диагностировать в рамках временных периодов, экономических процессов и их параметров, в зависимости от эколого-экономической ситуации, в разрезе направлений природопользования. С.А. Милукова и М.В. Левашева [1], например, подчеркивают ведущую роль ландшафтной структуры в формировании социально-экономических основ хозяйствования, расположения сети населенных пунктов и элементов дорожного хозяйства, их экономической и хозяйственной специализации.

Целью данной статьи является поиск методологических основ исследования, связанного с выявлением особенностей территориальных систем природопользования во взаимосвязанности с социально-экономическим развитием административных образований, расположенных во внутриконтинентальных горных районах, а также с типами адаптивных стратегий населения и соответствующих им системам социальной безопасности.

По сути, анализ *структуры природопользования* на территории в исследовательском смысле имеет больше методологических «мостиков» увязывания с социально-экономическими, социоисторическими и иными социальными процессами в регионе. Новые способы хозяйствования могут не соответствовать не только ландшафтными трансформациям, природным или же климатическим условиям, но и традиционным способам, имеющим, например, аксиологическое содержание, что, несомненно, приводит к деградации геопотенциала территории [2]. Вместе с тем, в качестве реакции природной среды на антропогенное природопользовательское воздействие будут рассматриваться не только нарушение природного баланса, ухудшение экологических параметров среды, но и утрата традиционных знаний в отношении способов природопользования.

Благополучие населения опирается на потенциал природных ресурсов, а центральным звеном этого благополучия выступают экономическая и экологическая составляющие. В этом смысле деградация природной среды, истощение ресурсов в уязвимых территориях (а к таким территориям относятся в том числе и горные страны) приводят не только к повышенным рискам и угрозам стихийных природных воздействий (бедствий), но и снижают доступность благополучия проживающему в таких территориях населению. Коренное и старожильческое население естественным образом приспосабливается к изменениям ландшафтов, природной среды в целом, выстраивает систему социальных и экономических отношений по поводу природопользования, формирует особую, адаптированную для данного типа местности структуру расселения и типы хозяйственной деятельности. Разрывы этих взаимосвязей несут существенные риски благополучия всей социально-экономической системы территории в целом, ее устойчивому развитию.

В России значительную часть территории занимают *горные территории* (до 34%, по оценкам А.Г. Исаченко, 2003 и 54% – по оценкам А.П. Щербатюк, 2021) [3], соответственно, имеющие горные ландшафты. Территория *Алтайской горной страны* относится к зоне внутриконтинентальных горных ландшафтов, отличающихся высокой степенью контрастности и дифференциации ландшафтных структур, но при этом в недостаточной степени охваченных масштабным картографированием [4]. Спецификой работ современных географов в зоне Алтайской горной страны является попытка наложения климатогенных модификаций ландшафтов на горные системы Внутренней Азии, а также связанной с климатическими изменениями проблематики экологической безопасности. Во втором случае ученые обосновывают свой интерес экологическими и биологическими параметрами самой зоны, входящей в число экорегионов Всемирного Природного Наследия ЮНЕСКО и, тем самым, имеющей глобальное значение планетарного уровня.

Исследования ландшафтов Алтайской горной страны представляют большой интерес для ученых и Сибирского федерального округа, и в целом представителей отечественной науки, где уже накоплен представительный пул работ в контексте так называемого «горного ландшафтоведения», включая проекты в области хозяйственного освоения территории. Часть работ объединяют зоны Алтая и Саян, освещающая вопросы геоэкологии и природопользования – Р.Ю. Бирюков, Л.М. Бурлакова, Д.В. Золотов, А.Г. Крохмаль, Б.А. Красноярова, Н.А. Кузнецова, Д.К. Першин,

М.Г. Сухова, Д.В. Черных, О.А. Хорошев. Однако Алтайская горная страна отличительна и уникальными историко-культурными и этнографическими особенностями, которые нашли свое преломление не только в этнокультурных особенностях совместного бытия этносов, но и в доминирующих типах природопользования не менее своеобразных природных ландшафтов, сформированных удаленностью от океана, климатическими параметрами, отличающимися высокой степенью изменчивости, большими амплитудами высот и находящимися «на стыке» климатических зон. Именно климатическое направление до сих пор недостаточно представлено в исследованиях Алтае-Саянской горной страны [5, 6, 7] и, тем более, крайне редки работы, посвященные оценке социального риска климатических изменений (см., например, Ганюшкин и др.) [8, 9]. Некоторые авторы считают, что причиной этому послужила в том числе и географическая недоступность отдельных территорий этой горной страны, недостаточный охват территории метеорологическими наблюдениями.

Несмотря на то, что климатические изменения далеко не всегда наносят урон ландшафтным системам и системам природопользования и человеческому благополучию в целом [8, 9], необходимы выявление и оценка причин климатических изменений, оценка их социального риска для проживающего населения и распространенных типов природопользования. Так, Черных и соавторы [3] по итогам проведенной оценки ландшафтного разнообразия Русского Алтая выделили ряд особенностей ландшафтной структуры, на основе которых возможен экологический мониторинг климатических изменений. Это особенности растительного покрова и рельефа континентальных районов Алтая: «преобладание высокотравных и низкотравных субальпийских лугов над тундрами; распространенность черничных пустошей в широком высотном диапазоне; малые площади и контуры ерников»; широкое распространение многолетних снежников и нивальных ниш и бугров»; «специфическое субальпийское березовое криволесье» в гумидных частях Алтая.

По итогам масштабного исследования, проведенного группой ученых Санкт-Петербургского университета⁴, в Алтайской горной

⁴ Материалы полевых исследований географов Санкт-Петербургского университета в Алтае-Саянах и на Кавказе в период 1999-2009 гг., изложены в коллективной монографии «Горы и люди: изменения ландшафтов и этносы

стране фиксируются тенденции к повышению температуры в зимний и переходные сезоны, что приводит к «сокращению количества осадков в эти периоды, смещению «вверх» границы леса, деградации ледников и мерзлоты, снижению количества твердых осадков, уменьшению схода лавин, улучшению лесорастительных условий, расширению границ лесного пояса» [10: 432] в целом. Таким образом, климатические изменения уже повлекли трансформацию ландшафтных геосистем, а характер самих трансформаций коррелирует с содержанием природопользования, расширяя его возможности и потенциал.

Вопросы территориального и функционального природопользования с позиций социальных наук практически не представлены, однако ряд междисциплинарных исследований, как современных, так и советских ландшафтоведов, свидетельствуют о большом потенциале такого направления научного поиска. Заслуживают внимания работы и идеи Куражковского (1990), Овчинникова Н.Ф. (1966, 1978) о рассмотрении в совокупности способов взаимодействия геосистем и социальных отношений (общественно-природных отношений), о необходимости соотнесения пространственных параметров с человеческим капиталом и оценкой сбалансированного развития. Некоторые авторы (см., например, Забураева Х.Ш., Гайрабеков У.Т.) предлагают учитывать аксиологические основания природопользования, которые имеют особое преломление в горной местности – территории, где традиционно компактно проживают коренные этносы, для которых тип природопользования сопряжен с этнокультурным (духовно-нравственным) состоянием и развитием народа, их ментальностью, этнической эстетикой и т.п. Аксиологические аспекты природопользования часто увязываются с геоэкологическим потенциалом этнических разнообразных горных территорий, или же базируются на отнесении горной территории к разряду моно- или полиэтнических регионов. Исследователи доказали, что представители определенных этнических групп тяготеют к разным типам местностей – степям, пустыням, горным или альпийским лугам, горным лесам, вместе с тем выделяются и горные территории со смешанным этническим составом [11].

Методологическим обоснованием использованием социального и этногеографического факторов природопользования является

внутриконтинентальных гор России». – СПб: Издательство Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. – 453 с.

гипотеза этнического поля, предложенная Л.Н. Гумилевым, согласно которой этническое поле не всегда совпадает своими границами с организациями, в отличие от единства поведения и реагирования на изменения окружающей среды членом одной этнической системы. Этническое поле включает энергетический и информационный компоненты, первый из которых отражает объем пассионарной (творческой) энергии, а второй – демонстрирует способ действия индивидов, обладающих такой энергией [12]. Так, гипотеза об этническом поле может продемонстрировать способы взаимодействия этносов, этносов и ландшафтов, создаваемых этими группами в виде культурного слоя. В бытовом смысле этническое поле актуализируется для этноса в качестве понятных каждому члену группы контекстов, разделяемых смыслов и установок, но с большой долей вероятности непрозрачных для стороннего, не погруженного в этнокультурную среду наблюдателя.

Социальные вопросы *традиционного природопользования* в рамках географических зон чаще всего рассматриваются в контексте образа жизни и ментальности, типа традиционной хозяйственной деятельности коренных этносов. В частности, в качестве таковых некоторыми авторами рассматриваются локальные старообрядческие (семейские) сообщества. Например, С.А. Козлова [13], оперируя понятием «локальное сообщество», изучала особенности традиционного природопользования старообрядцев Забайкалья. Автору удалось продемонстрировать, что направления природопользования этого локального сообщества определяются ментальностью старообрядцев (природа – это среда жизни), традициями и сводом действий (религия, особые материальные и духовные потребности), выступающих регулятором социальной жизни и природопользования в условиях географической среды.

В развитие социального подхода к изучению «географической обусловленности» природопользования заметим, что термин «*локальное сообщество*» довольно часто используется и в географических науках при изучении обособленных культурно и в силу типа природопользования сообществ. В социологии локальное сообщество обычно выступает территориальным маркером общественных отношений и соответствующих групп индивидов [13, 14, 15], и по своей сути является конкретизацией связи природной и социальной (культурной среды), формирующей традиции природопользования и адаптацию к конкретному пространству и времени [14]. Близким этому понятию по смыслу является концепт территориальной общности как группы объединенной системой

связей и отношений социального, культурного, политического и экономического свойства группы, организованной в конкретном пространстве [16], однако С.А. Ахметова обращала внимание на более узкое содержание локального сообщества, предлагая рассматривать его в качестве «микромоделей общества» [17: 139], имеющей внешние (территория, история, экономические связи) и внутренние (характер и способы взаимодействия внутри сообщества, религия, нормы, и т.п.) признаки. Именно локальное сообщество формирует базовые параметры культурного ландшафта [18] в качестве совокупности социоприродных отношений в естественной среде [19].

Понятия «природопользование», «традиционное природопользование» сопряжены с социальными категориями, используемыми в социологической науке, – «жизнеобеспечение» как поддержание жизни социума (которое также довольно часто встречается в работах географического профиля), пересекающееся с понятиями адаптации и адаптивных стратегий посредством использования духовных и материальных ресурсов, и используемое для оценки меры способности общества распределять природные ресурсы в рамках социальной структуры. В ряду этих понятий традиционное природопользование соответствует определенной системе жизнеобеспечения [22, 23], подходы к определению которого формируют методологию исследования и упорядочивания, классификации локальных сообществ. С.А. Козлова предлагает применять категорию традиционного природопользования «вместе с понятием жизнеобеспечения» в качестве акцента на географические аспекты жизни социума и описания системы способов, которыми локальное сообщество (1) использует природные ресурсы и объекты, (2) передает от поколения к поколению навыки хозяйствования и (3) воспринимает и учитывает символические значения природных объектов (например, через традиции и обычаи) [15: 382]. Чаще всего традиционное природопользование описывает хозяйственную деятельность определенных этносов, живущих в тесной связи с природой, в меньшей степени урбанизированных и современных, например, в исследованиях традиционного образа жизни и традиционных типов хозяйствования коренных и коренных малочисленных народов. Встречаются и работы, в которых авторы рассматривают стратегии адаптации сообществ в природной среде, формирования сопряженности хозяйственной деятельности с конфессиональной картиной мира (например, вновь приобретенных адептов религиозных сообществ), хозяйственные и культурные

компоненты быта, исторически сложившиеся традиции этнического природопользования и т.п. [24, 25].

В российской практике термин «традиционное природопользование» уже прочно устоялся в юридической деятельности, с начала последнего десятилетия прошлого века, с момента начала формирования правовой базы законодательства о коренных малочисленных народах и защите их традиционного природопользования и традиционных видов хозяйственной деятельности. Причем отметим, что в данном случае хорошо представлены работы социологической направленности, преимущественно связанные с культурной функцией традиционного природопользования, и оценки включенности его элементов в повседневные системы природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

В этой связи важное значение в изучении адаптивных стратегий населения и реакций на рискогенность окружающей среды приобретает оценка внутренних закономерностей и структур локальных этнических сообществ, модальности отношений к культуре и природе, мотивации поведения индивидов на основе духовных и этнокультурных регуляторов. Применение методологического аппарата социологической науки в данном случае поможет выявить социальную ценность этнической культуры в соотношении с образом жизни и жизнедеятельностью, типами природопользования малых групп, процессами формирования материальной, бытовой культуры, потребностью в сохранении традиционного образа жизни и типа хозяйствования.

На территории Алтайской горной страны компактно проживают коренные малочисленные этносы Севера, Сибири и Дальнего Востока, чья хозяйственная деятельность тесно взаимоувязана с природой и, следовательно, зависима от географических параметров пространства. А.В. Головнев [26] отмечает, что при изучении структуры природопользования территорий, где проживают коренные этносы, важно обращать внимание на присущую этим этносам культуру природопользования, которая, как правило, экологична, базируется на биологических, географических знаниях и традициях оптимального хозяйствования и воспроизводства природных ресурсов. Именно в этом русле, например, развивается этноэкология, предметом которой является жизнеобеспечение этносов как этнических систем. На практике же традиционное природопользование рассматривается в противовес индустриальному освоению, но при исчезновении этой

основы жизнедеятельности коренных народов, исчезнут и сами этнические общности или, по крайней мере, их традиционные экологические культуры.

В рамках предварительной оценки сделанных предположений о наличии этнокультурного фактора пространственного природопользования в ходе первого этапа работ комплексного исследования, спецификой которого является попытка наложения климатогенных модификаций ландшафтов на горные системы Внутренней Азии, использованы результаты социологического исследования (население в возрасте 18-70 лет, проживающее в домохозяйствах на Республики Алтай, $n = 200$). В данном исследовании приняли участие представители коренных и традиционных для Республики Алтай этнических групп – алтайцы, казахи, карачаевцы, кумандинцы, русские и теленгиты. Заметим, что в структуре природопользования жителей Республики Алтай четко прослеживается «этническая приверженность»: так, охотой на диких животных достоверно (χ^2 , $p \leq 0,005$) занимаются исключительно алтайцы и казахи, сбором дикоросов – только алтайцы, пчеловодством – кумандинцы, животноводством – алтайцы, казахи и теленгиты, земледелием – казахи, выпасом скота занимаются алтайцы и казахи. При этом обратим внимание, что в данном случае учитываются только виды природопользования, которые являются основой жизнеобеспечения жителей республики.

На примере кросс-дисциплинарного анализа подходов к рассмотрению дифференциации географических структур в условиях трансформирующихся ландшафтов горной местности и соответствующих этим процессам направлениям природопользования, а также предварительных оценок результатов эмпирического исследования продемонстрировано, что территориальные и функциональные структуры представляют собой расположение по географической зоне «привязанных» к ней разноплановых элементов (конструктов, компонентов), которые несут природный, природно-ресурсный, социально-экологический, этнический, экономический, этнопсихологический характер, а также разнообразные комбинации этих элементов, включая их взаимосвязи и особенности взаимного расположения и влияния. Территориальные структуры имеют признаки пространственных, но не тождественны им, поскольку более конкретны и эмпирически «ощутимы». Заметим, что в пределах одной территории могут быть выделены разные типы отношений по оси «природа – человек – общество» и их комбинации, в том числе вследствие разнообразия физической среды – ландшафтной

структуры. Территориальные и функциональные структуры природопользования (равно как и их сочетания) поддаются как качественной, так и количественной оценке на основе междисциплинарного подхода в привязке к анализу ландшафтных систем и природно-ресурсных компонентов территории. Анализ природопользования в таком контексте может стать важнейшей частью оценки эффективности регионально социально-экономического развития на разных уровнях – индивидуальном, групповом, социетальном.

Литература

1. *Милюкова С.А., Левашева М.В.* Роль ландшафтной структуры и объектов археологического наследия в территориальном развитии на примере острова Ольхон // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Барнаул, 2021. С. 271–277.
2. *Черных Д.В.* Провинциальные ландшафты – аналоги Русского Алтая // Ст. в сб. Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития: материалы XII Международной ландшафтной конференции. Том 2. 2017.: Издательство: Тюменский государственный университет (Тюмень). С. 423–426.
3. *Исаченко А.Г.* Экологическая география России. СПб., 2003.
4. *Черных Д.В., Самойлова Г.С.* Ландшафты Алтая (Республика Алтай и Алтайский край). Карта М-б 1:50000 // ФГУП Новосибирская картографическая фабрика, 2011.
5. *Галахов В.П., Мухаметов Р.М.* Ледники Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 136 с.
6. *Москаленко И.Г., Селиверстов Ю.П., Чистяков К.В.* Горный массив Монгун-Тайга (Внутренняя Азия). Опыт эколого-географической характеристики. СПб: Издательство Русского географического общества, 1993, 94 с.
7. *Ямсков А.Н.* Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сборник статей по этнической экологии. Москва: Старый сад, 2017. Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. С. 36-47.
8. *Ганюшкин Д.А.* Высотное распределение гляциальных форм рельефа горного обрамления северной части котловины Больших

- озер. В сб. Отечественная геоморфология: прошлое, настоящее, будущее. Материалы XXX Пленума Геоморфологической комиссии РАН Санкт-Петербург, СПбГУ, 15-20 сентября 2008 года. с 287-288.
9. *Ганюшкин Д.А.* Кары массива Монгун-Тайга и их палеогеографическое значение /Сб. Труды XXII съезда Русского Географического Общества. СПб, 2005, т. 2, С 217-222.
 10. *Бомер-Кристиансен С.* Что движет процессом Киото: наука или интересы? // Известия РГО. 2004. Т. 136. Вып. 2. С. 26-32.
 11. *Будыко М.И., Ефимова Н.А., Лугина К.М.* Современное потепление // Метеорология и гидрология. 1993. №7. С.29-34.
 12. *Горы и люди: изменения ландшафтов и этносы внутриконтинентальных гор России.* СПб: Издательство Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. 453 с.
 13. *Забураева Х.Ш.* Геоэкологические основания оптимизации природопользования в горных регионах России (на примере Северо-Восточного Кавказа). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. геогр. наук Калининград. 2017. 40 с.
 14. *Гумилев Л.Н.* О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 3-17.
 15. *Козлова С.А.* Традиционное природопользование локальных старообрядческих (семейских) сообществ Забайкалья в XVIII–XX веках: теоретико-методологическая основа исследования // Научный диалог. 2020. № 9. С. 373–390.
 16. *Hillery G.* Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. 1955. Vol. 20. P. 111–123.
 17. *Добрякова М.С.* Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2001. № 13. С. 27–59.
 18. *Зазулина М.Р.* «Локальное сообщество» в системе координат социальных наук // Философия в условиях социокультурного многообразия : от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров : сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 46–49.
 19. *Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д.* Теория организации пространства // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. № 2. С. 10-15.
 20. *Ахметова С.А.* Сельское локальное сообщество как объект монографического исследования // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.

Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та. 2009. Т. 151, № 5–2. С. 139–149.

21. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.
22. *Рагулина М.В.* Локальное сообщество и культурный ландшафт в современном мире // Современные проблемы науки и образования: сборник статей. 2013. № 6. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=10893>.
23. *Ямсков А.Н.* Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сборник статей по этнической экологии. Москва: Старый сад, 2017. Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. С. 36–47.
24. *Максимова А.* Традиционное природопользование русских монастырей // Альфа и Омега: сборник статей. 2003. № 37. URL: <https://www.pravmir.ru/traditsionnoe-prirodopolzovanie-russkihmonastyirey/>.
25. *Белобородова И.Н.* Стереотипные формы поведения в традиционном природопользовании севернорусского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 73–81.
26. *Головнев А.В.* Касум – Ёх. Материалы для обоснования проекта этнически статусной территории. Шадринск: РИО ПО «Исеть», 1993. 112 с.

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Омельченко Д. А., Максимова С.Г. Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования в четырех регионах азиатского приграничья (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, n = 1860, 18-70 лет). Целью анализа являлось сопоставление этничности и религиозности, оцениваемых через вопросы, направленные на самоидентификацию и определение тесноты близости с этническими и религиозными группами, уровня религиозности по индексу центральности религиозности.